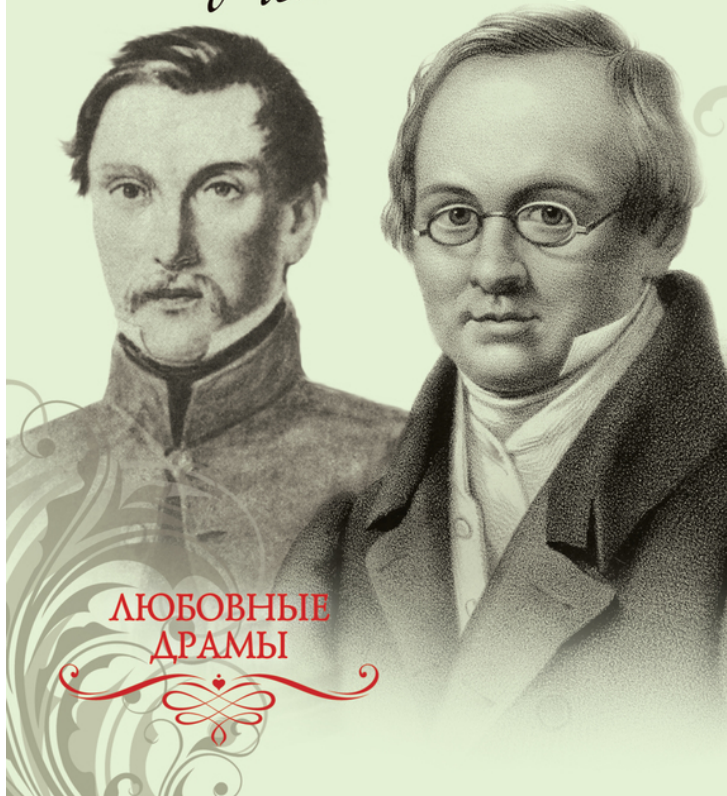

Н.Ф. ШАХМАГОНОВ

*Друзья Пушкина
в любви и поэзии*

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Николай Федорович Шахмагонов
Друзья Пушкина
в любви и поэзии
Серия «Любовные драмы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24268132

*Друзья Пушкина в любви и поэзии / Н.Ф. Шахмагонов: Вече; Москва;
2017*

ISBN 978-5-4444-8823-2

Аннотация

Книга писателя Николая Шахмагонова посвящена теме любви в жизни и творчестве друзей Александра Пушкина. Василий Жуковский, Константин Батюшков, Денис Давыдов, Николай Юсупов. Имена тех, о ком пойдёт речь, широко известны, известны их свершения во имя Отечества или просто добрые дела во имя своих родных и близких. Но как раз самая яркая, самая светлая сторона в их жизни – любовь – часто оставалась «за кадром».

Содержание

От автора	4
Любовные драмы «побеждённого учителя»	9
За кого поднимал Пушкин заздравный кубок?	9
Сын русского барина и турчанки	19
Любовные драмы сестёр поэта	32
«Всему начертан круг Предвечного рукой...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Шахмагонов

Друзья Пушкина

в любви и поэзии

От автора

Любовь – вечный движитель Творчества. Кто с этим поспорит? В предыдущей книге серии «Любовные драмы», которая так и называется «Пушкин в любви и любовной поэзии», рассказано об удивительном воздействии любви на Русского гения Александра Сергеевича Пушкина. Теперь настало время поговорить о его друзьях, причём о тех именно друзьях, на жизни и творчестве которых сказалось их удивительное умение любить и творить литературные ли произведения, или просто добрые дела, под вдохновением этого светлого, всепобеждающего чувства.

Имена тех, о ком пойдёт речь в этой книге, широко известны, известны их свершения во имя Отечества, или просто добрые дела во имя своих родных и близких. Но как раз самая яркая, самая светлая сторона в их жизни – Любовь – часто оставалась за кадром.

Что мы знаем о Василии Андреевиче Жуковском? Да, конечно, каждый скажет, что он – учитель Пушкина, хотя бы на

основании того, что сам Александр Сергеевич признал его учителем, а Жуковский сделал надпись на своём портрете, подаренном молодому ещё совсем автору великолепной поэмы «Руслан и Людмила»: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

Но остались за кадром любовные драмы поэта, как-то не очень уделялось внимание трагедиям и драмам его семьи, хотя они оказали решающее влияние на его творчество, не афишировалась при изучении творчества его личная драма – несчастная любовь к племяннице, невозможность соединиться с нею брачными узами, замужество её и ранняя смерть... Если мы более пристально взглянем в творчество знаменитого поэта и великолепного переводчика, то увидим отражение личных трагедий и в стихотворениях, и в самом подборе для перевода поэтических произведений зарубежных поэтов. А женитьба его в 56 лет на 17-летней дочери своего давнего приятеля?! Разве это не отголосок трагедий детства, юности, молодости? Что же касается любовной драмы дочери Жуковского Александры, ставшей морганатической супругой великого князя Алексея Александровича и разлучённой с ним по воле императорской семьи, то о ней и вообще было известно очень мало. Но, не представив себе все жизненные перипетии, мы не сможем по-настоящему понять то, что хотел донести до нас поэт в своих бессмертных произведениях.

У Жуковского, как и у его ученика, не было, если можно

так выразиться, дефицита любви. Только у Пушкина внешне все выглядело бурно, весело, задорно, а у Жуковского подёрнуто печалью. А вот у поэта Константина Батюшкова как раз всё, что касалось любви, было в остром дефиците. Озарения и крах всех надежд... Затем снова увлечение, любовь, попытка жениться и осознание того, что согласие на брак даётся возлюбленной без всяких чувств, просто по обстоятельствам. А тут ещё врождённая болезнь, которая прогрессирует при любых жизненных неурядицах, особенно любовных. И снова мы видим отражение в творчестве всего того, что доставляло такие невероятные душевные муки в жизни.

У Дениса Давыдова любовные романы, тоже зачастую неудачные, всё же проходили с какой-то удалей, пусть даже отчасти внешней. Он в своих любовных приключениях бывал подчас столь же дерзок, как в бою. В книге неслучайно даны не только любовные эпизоды, но и самые первые боевые дела, характеризующие и самого поэта, и его дальнейшее творчество.

Краткая, осветившая литературный небосклон жизнь-зарница Михаила Юрьевича Лермонтова подарила читателям невероятное количество и поэтических, и прозаических произведений, посвящённых любви. И снова мы видим то лихую удадь, то нежнейшие переливы поэтических строк. Даже перед самым убийством, спланированным мерзавцами, начинающими кооператорами – то есть людьми, продавшими совесть золотому тельцу, Лермонтов думает о высо-

ком, о добром и вечном, он делится планами о новых грандиозных романах.

Киллер же – сын винного откупщика Соломона Мартынова, изгнанный из армии за трусость «соломонов сын», «мартышка», начинающий винный откупщик и члены организованной преступной группировки, среди которых «первый кооператор» Васильчиков, как сказано о нём в Википедии, «родоначальник кооперативного движения в России», уже составили план убийства и только ждут назначенного часа. Отец Васильчикова – министр двора и компаньон Соломона Мартынова по винному откупу. Бояться нечего – прикроют. И прикрыли... И только поистине храбрый офицер Руфин Дорохов, сын дерзкого и отважного рубака – героя Отечественной войны 1812 года, генерала Дорохова, самостоятельно разобравшись в деле, заявляет: «Дуэли не было. Было убийство!»

Любовь... Она окрыляет и даёт жизненные силы не только людям творческим. Знаменитый хозяин знаменитого Архангельского, которого Пушкин звал «мой Юсупов», почитая своим другом, прожил долгую жизнь в любви и любовных приключениях. Долгую... Потому что умел любить и в 80 лет имел молодую любовницу. Но история рода Юсуповых соткана из любовных трагедий и драм... О них рассказывается в книге.

Нельзя не вспомнить и о настоящей, верной и преданной подруге Пушкина – замечательной дочери замечательного

нашего полководца Михаила Илларионовича Кутузова, заставившего французов, «как турок под Слободзеей есть лошадиное мясо». Трагическая судьба. Первый муж Елизаветы Михайловны, урождённой Кутузовой, героически погиб при Аустерлице, и с него с документальной точностью списал подвиг Болконского Лев Толстой в романе «Война и мир». Она долго не могла оправиться от горя, а когда всё же вышла замуж второй раз, то и здесь всё закончилось вдовством. Любовь спасала её, необыкновенная любовь к Пушкину. Она дала ей жизненные силы, она, несмотря на то, что была любовью неразделённой, вела по жизни. Гибель Пушкина подкосила её, и она пережила своего кумира всего лишь на два года.

В книге собраны повествования о друзьях Пушкина с самыми яркими любовными перипетиями в любви.

Любовные драмы «побеждённого учителя»

За кого поднимал Пушкин здравный кубок?

Биографы и литературоведы до сих пор не могут прийти к общему мнению, был ли Александр Сергеевич Пушкин счастлив в семейной жизни? Одни обрушиваются с упрёками на его супругу Наталью Николаевну, урождённую Гончарову, другие берут её под свою яростную защиту. Но ответить на этот вопрос мог только Пушкин и только он один. Конечно, супружество доставило ему немало хлопот и волнений, конечно, заставило нередко ревновать свою супругу и отчасти привело к гибели на так называемой дуэли, которая явилась просто-напросто коварно и подло спланированным убийством. Но об этом мы уже говорили в предыдущей книге серии «Любовные драмы» — «Пушкин в любви и любовной поэзии». Теперь настала пора поговорить о любовных приключениях и драмах друзей Пушкина.

В различных биографических и энциклопедических изданиях друзьями Пушкина именуются очень и очень многие его современники, близкие к нему по литературному, а

прежде всего поэтическому творчеству. К друзьям относят и просто его близких знакомых, как, например, князя Николая Борисовича Юсупова, который был старше на полвека, но которого Александр Сергеевич называл «мой Юсупов» и очень часто встречался с ним для долгих душевных разговоров.

Но, наверное, не ошибусь, если назову в числе самых первых, искренних и нелицемерных друзей Пушкина Василия Андреевича Жуковского. Это был не просто друг – это был наставник поэта, его учитель. Вспомним фразу, известную нам со школьной скамьи: «Победителю ученику от побеждённого учителя».

Эту фразу Василий Андреевич написал на своём портрете, который подарил Пушкину, когда тот представил ему поразившую Жуковского поэму «Руслан и Людмила».

Да, Пушкин долгое время был учеником, следуя в какой-то мере в кильватере творческого курса выдающихся мастеров русской поэзии. Он учился у Державина, у Дениса Давыдова, у Батюшкова, ну и, конечно, у Жуковского. Тому свидетельство даже некоторое подражание своим учителям в творчестве тем, у кого он, выражаясь его же строками из поэмы «Полтава», учился, «за учителей своих заздравный кубок поднимая».

Вспомним Пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Приведу его полностью, хотя уверен, что многие читатели помнят его наизусть. Но в данном

случае стихотворение стоит напомнить, и скоро станет ясно, по какой причине...

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознеся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.
Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

Ну а теперь ещё одно стихотворение, которое уже не так широко известно, хотя в нём сразу улавливается что-то очень и очень знакомое. Что? Да то, что читали выше...

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.
Так! – весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И прёзрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твоё зарей бессмертия венчай.

Кто воспевал Фелицу? Конечно, Гавриил Романович Державин, ну а под Фелицей он подразумевал Императрицу Екатерину Великую. Дело в том, что Фелица – «Богородица царевна Киргиз-Кайсацкия орды!» – героиня сказки о Царевиче Хлоре, автором которой является Государыня. Ну и Державин неслучайно воспевал Богородицу Царевну.

Стихотворение же написано им в 1795 году, то есть за че-

тыре года до рождения Пушкина.

Заимствовал ли Пушкин тему именно у Державина? Нет. Идея принадлежит другому автору, древнеримскому поэту Горацию.

Квинт Гораций Флакк (8 декабря 65 г. до н. э. – 27 ноября 8 г. до н. э.) писал так...

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не разрушат и ряд
Нескончаемых лет – время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию...

Ну и далее встречаются весьма схожие фразы. Впрочем, ода Горация переводилась не раз. Её переводили М.В. Ломоносов (1748), В.В. Капнист (1805), А.Х. Востоков (1806), С.А. Тучков (1816).

Но Пушкин в творчестве превзошёл всех, как, наверное, превзошёл и в любви, поскольку, как бы ни относиться критически к его донжуанскому списку, всё-таки лучи его непревзойдённой поэзии осветили и согрели многих самых великолепных, самых прекрасных, самых чудных («я помню чудное мгновенье») женщин.

И превзошёл в поэзии любви, хотя и здесь Пушкин на-

ходилась не только в плену очарования воспеваемых им возлюбленных барышень, но и в плену обаяния поэтических строк своих учителей. За примером далеко ходить не надо. В своём великолепном стихотворении «Я помню чудное мгновенье», посвящённом Анне Петровне Керн, стихотворении, положенном на музыку чарующего романса великим русским композитором Михаилом Глинкой, романса, посвящённого им дочери Анны Петровны Екатерине Керн, Пушкин обессмертил поэтическую строку своего учителя Василия Андреевича Жуковского. Ведь именно у Жуковского впервые прозвучало – «гений чистой красоты».

У Василия Андреевича Жуковского в стихотворении «Лалла рук» читаем:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной красоты...

Ну а у Пушкина...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Василий Андреевич познакомился с этим поэтическим

произведением ирландского поэта-романтика Томаса Мура (1779–1852) во время своего путешествия в 1821 году и сделал прекрасный перевод, о котором мы ещё поговорим в последующих главах.

Пушкин взял прекрасные строки, которые, учитывая тонкости любого перевода, несомненно, принадлежали именно Жуковскому, для посвящения восхитительной и неотразимой Анны Керн.

Правильно ли сказать, что Пушкин превзошёл своих учителей в творчестве и любви? В творчестве – да! Это общепризнано. А в любви?

Каков вообще критерий счастья в любви? Кого мы можем считать счастливым в этой волшебной области человеческого бытия? Если взять литераторов вообще – и поэтов и прозаиков, пока у нас есть только одно твёрдое и точное указание на подлинное счастье. Я приводил слова Льва Николаевича Толстого в книге «Любовные драмы Русских писателей»:

«Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жёны, как у Достоевского».

Когда композитор Сергей Прокофьев попросил Анну Григорьевну Достоевскую что-то написать в его альбом, который он хотел посвятить солнцу, она написала: «Солнце моей жизни – Фёдор Достоевский. Анна Достоевская...»

Но Лев Николаевич Толстой написал и другие слова о представительницах прекрасного пола:

«Смотри на общество женщин как на необходимую неприятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся от них. В самом деле, от кого получаем мы сластолюбие, изнеженность, легкомыслие во всём и множество дурных пороков, как не от женщин?»

Конец 1899 года. Толстому идёт 72 год. Колоссальный опыт в жизни, творчестве и, конечно, в любви. Он делает вывод:

«Главная причина семейных несчастий – та, что люди воспитаны в мысли, что брак даёт счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература; но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворённое половое желание».

Тихон Иванович Полнер (1864–1935) историк, литератор и издатель, в книге «Лев Толстой и его жена. История одной любви», написанной в эмиграции, отметил:

«Творения Толстого теснейшим образом связаны с его интимной жизнью. Это утверждение относится не только к беллетристике. Оно всецело подтверждается внимательным рассмотрением философских, религиозных и политических работ великого автора. Говорят: наслаждайтесь произведениями искусства и оставьте в покое личность автора. Даже и это не верно. Часто биографические изыскания углубляют понимание произведений искусства. “Оставить в покое”

личность проповедника и пророка – уже совершенно невозможно. И не потому только, что слова без дел не убеждают. Важно, что характер самой проповеди, её содержание, противоречия, эволюция воззрений бывают подчас необъяснимы без тщательного исследования интимной жизни проповедника. К такому убеждению я неизбежно склонялся каждый раз, когда пытался проследить фазы развития Толстого».

Как это подходит к очень многим биографиям прозаиков и поэтов. словно в фарватере этих слов прошли любовные истории Ивана Сергеевича Тургенева и Фёдора Ивановича Тютчева, Ивана Алексеевича Бунина и Алексея Константиновича Толстова. Эти слова можно целиком отнести к судьбе Александра Сергеевича Пушкина и судьбам его друзей.

Каковы бы ни были жизненные ситуации – в чём-то схожи или, напротив, различны, но чтобы понять истоки драм и трагедий, – а без таковых редко обходились любовные страсти – но «оставить в покое личность» – значит вовсе ничего не понять ни в жизни, ни в творчестве, ни в любви того или иного человека.

Очень часто именно в детские годы закладываются счастье или несчастье в любви. Это особенно ярко отражено в биографиях, к примеру, Ивана Сергеевича Тургенева и Фёдора Ивановича Тютчева, о чём приведены рассуждения в книгах «Любовные драмы Русских писателей» и «Любовные драмы Русских поэтов». В судьбах этих мастеров слова всё

связано с трагедиями первой любви. У Пушкина, о чём мы говорили в книге «Пушкин в любви и любовной поэзии», были иные проблемы – проблемы отношения к нему родителей. Ему, по его мнению, не хватало родительского тепла. Он был средним ребёнком в семье, и на нём отразились проблемы среднего ребёнка, которые нередки во многих семьях.

А вот Жуковскому, напротив, вполне хватало материнского тепла, поскольку обстоятельства сложились так, что он получал это тепло не только от родной матери, но и от супруги отца, которая отчасти стала его второй матерью. Отчасти лишь потому, что по близости всегда была родная мать.

Жуковский оказался воспитанником женского общества – рядом были родная мать Сальха, супруга отца Мария Гавриловна, старшая сестра Варвара Афанасьевна, которая одновременно была крёстной матерью и племянницы – дочери старших сестёр Варвары и Екатерины.

Это тоже наложило свой отпечаток на его судьбу, на любовные коллизии, выросшие в любовные трагедии и драмы.

Но ведь и они родились не на пустом месте. История рода будущего поэта богата на любовные драмы. С них мы и начнём разговор о любовных перипетиях самого Василия Андреевича.

Сын русского барина и турчанки

В восемнадцатом веке рождение внебрачных детей было явлением частым. Для людей бедных, скажем помягче, невысоких сословий, они становились неразрешимой проблемой. Недаром знаменитый государственный деятель Иван Иванович Бецкой, сам незаконнорожденный сын князя Трубецкого, незаконнорожденной дочерью которого стала будущая Императрица Екатерина Великая (см. мою книгу «Орлы Екатерины в любви и сражениях»), создал Воспитательный дом, в который принимались и в котором воспитывались незаконнорожденные дети. Причём всё было устроено так, что сдать в этот дом малютку можно было тайно.

Состоятельные же вельможи могли позволить себе воспитывать своё чадо. Даже выработано было негласное правило – фамилия давалась незаконнорожденному ребёнку отцовская, но в несколько усечённом виде, без первого слога. Так сын Трубецкого Иван стал Бецким, сын Репнина получил фамилию Пнин и так далее. Ну а само определение «незаконнорожденный» или «незаконнорожденная» было даже закреплено законодательно. Таковыми признавались: «Рожденные вне брака, хотя бы их родители потом и соединились законными узами; произошедшие от прелюбодеяния; рождённые более чем через 306 дней после смерти отца или расторжения брака разводом; все прижитые в браке, который по

приговору духовного суда признан незаконным и недействительным».

Что же касается Василия Андреевича Жуковского, то он получил не отцовскую фамилию, которую, впрочем, и «усекаль» на один слог было некуда, а фамилию бедного дворянина Жуковского, жившего в доме отца. Но зато он, в отличие от многих, себе подобных чад, вошёл в семью отца как равноправный ребёнок. Кстати, так же случилось и с упомянутым выше Иваном Ивановичем Бецким.

Появление на свет будущего поэта и его детство было тесно переплетено с семейными драмами его отца, его супруги и его возлюбленной. Русский историк и литературовед Пётр Иванович Бартенев (1829–1912), известный как основатель пушкиноведения и издатель исторического журнала «Русский архив», коснулся этой истории в своих воспоминаниях. Весной 1852 года писатель-беллетрист и издатель Михаил Петрович Погодин (1800–1875) посоветовал Петру Ивановичу заняться биографией Василия Андреевича Жуковского, пояснив, что это «будет угодно Государю». Он же рекомендовал Бартенева Авдотье Петровне Елагиной, представительнице семейства знаменитейшего. Пращур, как известно, был личным библиотекарем Екатерины Великой.

П.И. Бартенев писал:

«Чуть не с первого дня знакомства Авдотья Петровна отдала мне читать и позволила списывать целые кипы писем к ней Жуковского, который был незаконным братом её мате-

ри, Варвары Афанасьевны Юшковой, рождённой Буниной, дочери Белевского воеводы Афанасия Ивановича. Мать Жуковского была турчанка, взятая в плен после покорения Бендер графом Паниным в 1770 году и привезённая к Бунину крепостным его человеком, который, как и многие другие крестьяне Тульской и Орловской губернии, уходили по паспортам в маркитанты, т. е. занимались мелочной торговлею при наших войсках. Авдотья Петровна была на шесть лет моложе Жуковского и с самого раннего его возраста любила Василия Андреевича, одной из первых учительниц которого была её мать, образованная и прекрасно игравшая на фортепиано. Жуковский был постоянным, ежедневным предметом воспоминаний Авдотьи Петровны, которая связывала его имя с памятью своей самой близкой подруги и двоюродной сестры Марии Андреевны Протасовой, дочери Андрея Ивановича и Екатерины Афанасьевны (рожд. Буниной). Жуковский и Мария Андреевна многие годы были влюблены друг в друга. Жуковский называл Авдотью Петровну своей Поэзией. Этого достаточно, чтобы выразить то обаяние, которым она пользовалась и в своей семье, и в близком обществе. Письма её таковы, что в сравнении с ними знаменитые письма m-le de Svignie кажутся приторными. Она до конца жизни любила занятие словесностью и в Дерпте за несколько месяцев до кончины перевела проповедь, сказанную там одним пастором. Всё, что она ни делала, выходило как-то изящно. Она хорошо рисовала и вышивала шелками; ниче-

го в ней не было такого, что в учёных женщинах называется синечулочеством. С какою ясностью и теплотою вспоминала она прошедшие годы своей жизни; когда я её знал, она уже схоронила целый ряд детей своих и иной раз со слезами на глазах говорила: “Рахиль плачущися чады своих и не можаша утешитися яко не суть”. Конечно, моя с гимназии любовь к Жуковскому, знание наизусть многих стихов его и то, что сам он незадолго перед смертью намеревался пригласить меня в учителя к его детям, послужили к моему сближению с Авдотьей Петровной и её семейством, которое отличалось взаимною горячею дружбою».

Всего одна цитата, а сколько в ней загадок и тайн! Как же всё-таки получилось, что отцом будущего поэта стал весьма состоятельный русский помещик, а мать – пленная турчанка? Ведь помещик-то был женат, и своих детей у него было пятеро!

Будущий поэт родился 29 января 1783 года в селе Мишенском Белевского уезда Тульской губернии. Село находилось в трёх верстах от Белёва.

Отцом его был помещик Афанасий Иванович Бунин, ну а мать, как упоминалось, турчанка по имени Сальха.

Вряд ли помещик Бунин мог предполагать, во что выльется его шутка, которую отпустил, провожая своих крестьян на театр военных действий. А сказал он, привезите, мол, мне в жёны молодую турчанку, а то жена совсем старой стала.

Так это или не так, но турчанку привезли, да только в жё-

ны её Афанасий Иванович, конечно, не взял, во-первых, потому что неровня она, но главное, потому что женат он был, и не было никаких раздоров в семье.

Через три года после рождения ребёнка, в 1786 году, Сальхе наконец был выдан вид на жительство в России. Документ так и именовался: «К свободному в России жительству».

Она не стала крепостной. В документе же говорилось, что она подобрана была при взятии нашими войсками города Бендер в 1770 году «с прочими таковыми же в полон и досталась майору Муфелю, и того же году оным майором по выезде в Россию отдана им Бунину на воспитание, и по изучении российского языка приведена была в веру греческого исповедания, причём восприемниками были жена Бунина Мария Григорьевна и иностранец, восприявший же веру греческого исповедания Дементий Голембевский».

Так и превратилась Сальха в Елисавету Дементьевну Турчанинову (отчество по имени восприемника при крещении). Указывались также основные приметы – то, что была она «росту среднего, волосы на голове чёрные, лицом смугла, глаза карие».

С матерью поэта ясно... Не крепостная, но и не дворянского сословия. А что же можно сказать об отце? Фамилия-то знаменитая!

Екатерина Ивановна Елагина, дочь племянницы Жуковского Марии Андреевны, урождённой Протасовой, един-

ственной по-настоящему любимой Василием Андреевичем женщины, в «Семейной хронике» раскрыла, насколько это возможно, родословную Буниных:

«Иван Андреевич Бунин (дедушка Жуковского. — *Н.Ш.*) был женат на Феодоре Богдановне Римской-Корсаковой. У них был сын Афанасий и две дочери: Анна, вышедшая за Давыдова, и Платонида, которая ослепла; доктора объявили её неизлечимой. В это время только что открылись мощи Дмитрия Ростовского (в миру Данила Саввич Туптало (1651–1709), епископ Русской православной церкви). Платонида стала проситься, чтобы её отпустили в Ростов; она жила в это время в Москве у брата своего, который был уже женат. Брат и невестка согласились на её просьбы, и она поехала с какой-то теткой. В Ростове отстояла всенощную и упросила гробового монаха позволить ей остаться всю ночь у раки; он позволил, повёл её к мощам, и она осталась одна в запертой церкви. Всю ночь провела она в слезах и молитвах; поутру собрались монахи служить молебен; монах подошёл к ней и взял её голову, чтобы наклонить её приложиться к мощам; она приложилась и вдруг с криком радости: “Вижу, вижу!” вырвалась из рук монаха. Это чудо было засвидетельствовано тут же присутствовавшими и внесено в Ростовские летописи. Можно вообразить радость и изумление семьи её, когда она воротилась в Москву. Она после вышла замуж. Феодора Богдановна, мать её, была родом из Смоленска: складень Образ Смоленской Божьей Матери, который

теперь у нас, принадлежал ей. Её благословили им к венцу, после благословили им Афанасия Ивановича, который благословил им Екатерину Афанасьевну, та – свою дочь Марию, а после – меня. Об Иване Андреевиче и Феодоре Богдановне нет никаких семейных преданий; известно только то, что они были очень строги и, кажется, крутого нрава. По крайней мере, слышала я, что однажды приехал к ним в Мишенское сын их Афанасий Иванович с молодой женой своей Марией Григорьевной и так были дурно приняты, что решились ночью уйти пешком в Белёв и ночевали на постоялом дворе».

В.В. Огарков писал по поводу супруги помещика:

«Жена Бунина, Марья Григорьевна, урождённая Безобразова, кроткая и умная женщина, являлась в окружавшей её среде сравнительно развитым человеком, что доказывается и тем образованием, которое она сумела дать, несмотря на невыгодные для этого тогдашние условия, своим дочерям и Жуковскому. Сам Бунин, очевидно, тоже не был из породы Митрофанушек – весьма распространенного типа того времени. Достаточно сказать, что единственный горячо любимый сын Буниных учился в университете в Лейпциге...»

Екатерина Елагина оставила о ней следующий отзыв:

«Жена Бунина Мария Григорьевна Безобразова по себе была женщина очень твёрдого и, кажется, холодного темперамента. Она была по-тогдашнему хорошо образованна, ибо умела читать и писать. Сестра ее Александра Григорьевна сего не достигла. Она подписывала бумаги под диктовку сво-

его крепостного писаря; он говорил ей: “Пишите “азь” – написала. Пишите “люди” – написала “люди”, – повторяла она и т. д. Марья Григорьевна очень любила читать и заставляла дочерей и внучек переводить для себя французские романы, которые они ей читали вслух».

Не совпадает в характеристиках лишь то, что В.В. Огарков называет Марью Гавриловну кроткого, а Екатерина Елагина – твёрдого характера.

В жёны Сальху помещик Бунин, как уже говорилось, братья не собирався, но в ту пору внебрачные связи помещиков с крепостными барышнями были делом нередким, нередким было и рождение внебрачных детей. Не сразу, судя по году рождения поэта, но помещик Бунин всё же положил глаз на пленную турчанку. Ну а когда родился мальчик, сложились обстоятельства, при которых сама судьба определила для него судьбу хоть и внебрачного сына, но оказавшегося на положении особом. Дело в том, что за два года до рождения будущего поэта, в 1781 году, внезапно умер сын Буниных. Два года – срок, конечно, недостаточный для того, чтобы могла стихнуть боль по безвременно ушедшему сыну, да и вообще такое горе неизлечимо, но всё же это время, которое позволило здраво взглянуть на то, что ожидало семью. Девицы подрастали, но сына, наследника, не было.

На своё имя Афанасий Иванович родившегося мальчика записывать не стал. Записали его по договорённости сыном бедного дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, жив-

шего, как нередко бывало в ту пору, у богатого помещика на правах дальнего родственника. Так родившийся малыш – сын русского барина и пленной турчанки – стал Василием Андреевичем Жуковским.

К тому времени Сальха приняла Православную веру и стала Турчаниновой Елизаветой Дементьевной.

Была она работающей, скромной поведением своим, услужливой. Жила во флигеле для прислуги. Туда-то и стал навешиваться тайком помещик, когда подросла его пленница. Привезли то её пятнадцатилетней. Не одну привезли, с младшей тринадцатилетней сестрой. Причём обе, видимо, полагали, что попали в гарем к русскому властителю. Да только младшая умерла вскоре от чахотки, а старшая оказалась пассивной бариней. Но не сразу, а когда вошла в возраст девицы. До того времени она прислуживала сёстрам будущего поэта, причём добилась исполнительностью и трудолюбием доброго к себе отношения.

Екатерина Елагина писала по этому поводу о родной матери Жуковского:

«В доме у Буниных в Мишенском была она хозяйкой; у неё были ключи от вареньев, соленьев и прочих, ею приготовленных запасов. За столом с господами она не обедала, но всегда сидела с чулком в комнате Марии Григорьевны. Все тогдашние дети Мишенского сохранили о ней воспоминание, как о самом добром, преданном, незлобивом существе».

В 1849 году Пётр Александрович Плетнев уточнил некоторые, касающиеся родителей и рождения Жуковского, записав их со слов поэта:

«Бунин был помещик Белёвский... Жена его, приживши с ним несколько детей, оставила супружеское ложе и дала ему свободу в выборе потребностей Гимена. Какой-то приятель Бунина, участвовавший во взятии Силистрии, переслал ему оттуда, из гарема паши, одну премилую женщину, которая долго полагала, что мужчина везде имеет законное право на нескольких женщин. Поэтому она в полной невинности души предалась любви к Бунину и от ложа с ним родила ему сына: это был славный ныне поэт».

Относительно того, что так уж всё прошло гладко, есть разночтения. Всё-таки когда, как сообщают некоторые источники, появился на свет ребёнок, размолвка неминуемо случилась, и Афанасий Иванович вынужден был даже переехать во флигель к своей молодой возлюбленной. Впрочем, только ему одному ведомо, насколько она была любима. Не исключено, что просто стала предметом утех и усад.

У Буниных было одиннадцать детей. Но детская смертность в те времена была довольно высокой. Шестеро детей из одиннадцати покинули сей мир. В живых к началу семидесятых осталось лишь пятеро: Авдотья, 1754 года рождения, Наталья – 1756 года, Иван 1762 года, Варвара 1768 года и ещё грудная Екатерина.

Иван отправился на учёбу, где умер в 1781 году.

Так что рождение малыша в 1783 году если и было воспринято Марией Григорьевной в штыки, то ненадолго.

Относительно смерти сына Буниных есть и другие сведения.

Екатерина Ивановна Елагина в «Семейной хронике» рассказала следующее:

«У Афанасия Ивановича, который был женат на Марии Григорьевне Безобразовой, было пять человек детей: один сын и четыре дочери. Иван Афанасьевич был очень образован, любил живопись и много знал в ней толку; он заказывал иконы для строящейся тогда каменной церкви в Мишенском. Кажется, он ездил путешествовать в чужие края. Он влюбился, если не ошибаюсь, в Лутовинову, но отец не позволил жениться на ней, потому что дал слово Орлову, своему другу, что их дети будут женаты. Ивана Афанасьевича против его воли помолвили на другой; в день обручения, когда стали пить за здоровье жениха и невесты, у него лопнула жила, и он скоропостижно умер».

Некоторые биографы полагали, что Афанасий Иванович Бунин был дружен с Григорием Григорьевичем Орловым и хотел женить сына на дочери сподвижника Государыни. Однако, как известно, законных детей у Григория Орлова не было. Трудно сказать, которую из незаконнорожденных дочерей имели в виду биографы.

Виднейший исследователь екатерининского времени, наш современник, издатель переписки Екатерины II и Потёмки-

на, то есть человек, владеющий самой точной информацией, писал с некоторой оговоркой о том, что Наталья Алексеевна в замужестве Буксгевден, была дочерью Императрицы и Орлова. Ну а в Википедии названа ещё Елизавета Алексеевна, родившаяся якобы в 1760 году и впоследствии ставшая женой знаменитого немецкого поэта Клингера, кстати, сопровождавшего графа и графиню Северных в их заграничном путешествии. Под именем Северных путешествовали по Европе великий князь Павел Петрович и его супруга великая княгиня Мария Фёдоровна.

Иван Афанасьевич Бунин родился в 1762 году. Умер в 1781 году девятнадцати лет. Но в то время Григорий Орлов был уже четыре года женат на своей 18-летней двоюродной сестре Екатерине Зиновьевой. Они поженились в 1777 году с большими неприятностями, о которых повествуется в книге «Орлы Екатерины в любви и сражениях». Брак был бездетен, возможно, как раз из-за очень близкого родства. Супруга Орлова скончалась от чахотки в один год с сыном Афанасия Ивановича Бунина. Григорий Орлов не мог оправиться от этого удара, и уже не прожил, а просуществовал ещё два года и ушёл из жизни в апреле 1783 года.

Я остановился на мнении некоторых биографов о том, что Афанасий Иванович Бунин мог быть знаком с Орловым и даже хотел породниться, чтобы далее в повествовании порассуждать, почему сводная сестра Жуковского воспротивилась его женитьбе на своей дочери Марии. Ведь их связыва-

ла очень сильная взаимная любовь, которая в результате запрета превратилась в драму для обоих. Но об этом несколько дальше...

Любовные драмы сестёр поэта

Известно, что на творчество каждого поэта влияет обстановка в семье, в которой он воспитывался.

Не у всех сестёр будущего поэта жизнь сложилась счастливо, ровно как впоследствии и не у всех племянниц.

Екатерина Елагина сообщила в «Семейной хронике»:

«Старшая дочь Афанасия Ивановича Авдотья Афанасьевна была замужем два раза: в первый раз за Крюковым, во второй – за Алымовым (Дмитрием Ивановичем, коллежским советником. – *Н.Ш.*). Алымова сделали начальником таможи в Кяхте. Авдотья, которая была любимицей отца, перед отъездом заехала в Мишенское и стала просить, чтобы ей в её ссылку дали для развлечения сестру её Катерину, и отец приказал 12-летней Катерине, своей младшей дочери, ехать с сестрой.

Бабушка моя провела семь лет в Сибири; сестра не занималась ей нисколько; она переносила капризы старшей сестры и была свидетельницей её ссор с мужем и её ветреного поведения. Она сохранила на всю жизнь благодарное воспоминание об Алымове, который был ласков с ней и защищал её против сестры. Всю жизнь бабушка не любила сумерек: они напоминали ей несносное путешествие из Сибири в Россию; в возке одна с горничной, с замерзшими стеклами, в таком полумраке, при котором читать невозможно, так холод-

но, что работать нельзя, и этак больше шести месяцев. Впрочем, и книг-то у неё почти что не было, кроме произведений Жанлис Мадлен-Фелисите Дюкре де Сент-Обен (1746–1830), французской писательницы, автора книг для детей и сентиментальных нравоучительных романов».

В комментариях к «Семейной хронике» указано, что читала Екатерина Афанасьевна роман «Адель и Теодор, или Письма о воспитании», в русском переводе назывался «Аделя и Феодор, или письма о воспитании».

Екатерина Елагина заметила, что Екатерина Афанасьевна знала роман наизусть и поведала о дальнейшей судьбе своей бабушки:

«Она привыкла от скуки нюхать табак. Авдотья Афанасьевна, доехав домой, разъехалась со своим мужем и жила потом у овдовевшего зятя Вельяминова»

Вельяминов Николай Иванович был советником Тульского губернатора с 1784 года и тульского вице-губернатора с 1791 года.

Наталья Афанасьевна уродилась красавицей. К тому же, надо отдать должное Афанасию Ивановичу, а особенно его супруге Марии Гавриловне. Воспитаны и образованы их дети были прекрасно. У Натальи женихов было множество, но... она выбрала иную судьбу.

Екатерина Елагина писала:

«Наталья Афанасьевна, вторая дочь Бунина, была совершенная красавица. В то время был наместником Тульской

губернии Кречетников; он был знаком с Буниными и заезжал в Мишенское; жена его была сумасшедшая и не жила с ним. Он влюбился в Наталью Афанасьевну; она в него; у них была связь».

Генерал-аншеф, граф Михаил Никитич Кречетников (1729–1793), был уже немолод. К нему, активному участнику Семилетней войны и Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.), Императрица относилась с уважением, и с 1775 по 1788 год, по её назначению, он служил губернатором тульский, калужский и рязанской губерний. Андрей Тимофеевич Болотов в книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» рассказал и о том, что Кречетников интересовался искусством, литературой и живописью:

«Наместник приездом моим был очень доволен, а поднесённую ему картиною ещё того более. Он не мог ею довольно налюбоваться и показывал всем её за диковинку, а особливо фаворитке своей, госпоже Вельяминовой, которая гостила у него тогда тут же со своим мужем. И при сём то случае насмотрелся я довольно сей госпоже, игравшей тогда важную роль, и не мог довольно начудиться её мужу, не чувствующему от того стыда, что носил почти только звание мужа, и жертвующему женою своею в угодность сему вельможе. Но не столько удивителен был он мне, сколько отец сей госпожи. Он был г. Бунин и служил тогда городничим в городе Белёве, где наместник и познакомился с сим семейством. Говорили,

что будто бы сам и отец, и мать сей госпожи, бывшей тогда девушкою, поспешествовали сами такому знакомству дочери своей с наместником и единственно для того, чтоб пользоваться его милостью. И дабы можно было ему ее иметь у себя в близости, то и выдана она была за молодого человека из фамилии Вельяминовых, которого наместник по самому сему случаю произвел в люди и который, находясь при нём в должности советника правления, играл также тогда важную роль. Но как бы то ни было, но для меня как постороннего человека не было в том никакой нужды, и я доволен был тем, что и госпожа сия обходилась со мною довольно ласково и совсем не так гордо, как с другими».

Возможно, Андрей Тимофеевич несколько сгустил краски, поскольку связь наместника с Натальей Афанасьевной, урождённой Буниной, повлияла на служебный расклад в губернии. Должность, на которой он находился, едва не отдала зятю Афанасия Ивановича Бунина Петру Николаевичу Юшкову, поскольку он был мужем сестры Натальи.

Ещё до замужества Наталья родила от наместника дочь. Вот как рассказала о том в «Семейной хронике» Екатерина Елагина:

«Отец ничего не знал об этом (имеется в виду связь с наместником. – *Н.Ш.*); родившуюся у Натальи Афанасьевны дочь отправили в деревню воспитывать в Бунино, а связь продолжалась; Наталья Афанасьевна опять сделалась беременна, когда вдруг узнал отец. Он стал требовать, чтобы дочь

шла замуж за Вельяминова, который, зная о том, что у неё связь, не боялся просить её руки. Наталья Афанасьевна сдалась на требования отца. На другой день после свадьбы привезли из Бунина её двухлетнюю дочь Марию. Наталья Афанасьевна, взяв её на руки, стала на колени перед мужем, прося его принять под своё покровительство несчастного ребёнка. Вельяминов так был тронут её просьбой, что заплакал и обнял их обеих, и мать и дочь.

Через месяц после их свадьбы у Кречетникова умерла жена. У Натальи Афанасьевны родилась ещё дочь Авдотья (впоследствии Арбенева), и потом еще дочь, которая была и дочерью Вельяминова, Анна Николаевна; она умерла старой девушкой. Наталья Афанасьевна жила недолго; у неё сделалась чахотка и она скончалась, оставив своих трёх дочерей ещё невзрослыми. Муж её, Николай Иванович, был неумен, весёлого нрава, пустой человек, неспособный ни на любовь, ни на ненависть. Он мало имел влияния на дочерей и мало значил в семье».

Казалось бы, когда наместник овдовел, могли открыться большие перспективы для Натальи Афанасьевны, но к тому времени она своими постоянными просьбами за родню стала, по мнению Болотова, несколько надоедать наместнику. Болотов перемену настроений наместника испытал на себе. На пике возвышения родни Натальи Афанасьевны наместник однажды довольно резко выговорил Болотову по незначительному поводу, но потом вдруг сменил гнев на милость.

Андрей Тимофеевич вспоминал: «...Непосредственно почти за тем, как наместник, излив на меня свой гнев, от себя почти выгнал, получил он всего меньше им ожидаемое известие, что любовница его и самая та, которая всему сему злу была первоначальною причиною, находясь тогда в Москве, кончила от болезни свою жизнь и переселилась в вечность. Вот чем он тогда огорчился, как приезжал к нему Юницкий (Василий Васильевич – директор экономии тульской казённой палаты). А как через то разрушилась и вся связь его с её родными, которая начинала и самому ему становиться уже в тягость, то и произошло от того то следствие, что наместник все мысли о согнании меня с моего места и о определении на оное её отца откинул и меня по-прежнему на оном расположился оставить. И как он на меня более всех, относительно до волостей, как на первого человека, надеялся, то потому-то и приказал тогда Юницкому препоручить мне написание докладных и им потом с такою похвалою опробованных пунктов».

Словом, любовь и тут оказалась важным движителем в делах губернских, настолько важным, что Болотов мог лишиться своего места.

И здесь, как и во многих других случаях, не принесла счастья, а явилась источником драм и трагедий.

Не удалось испытать полного семейного счастья и третьей дочери Буниных Варваре Афанасьевне. На её пути встретился человек, которого она полюбила и который полюбил её.

Известна лишь его фамилия – Марков.

После помолвки, как рассказала Екатерина Елагина: «Маркову нужно было куда-то поехать; прошло несколько месяцев без писем от него; Афанасий Иванович, напуганный несчастием Натальи Афанасьевны, вообразил, что Варвара Афанасьевна оставлена женихом; вследствие истории сестры её, которая в это время сделалась известной, он стал требовать, чтобы Варвара Афанасьевна шла замуж за Юшкова Петра Николаевича, который в это время сватался за неё. Согласие у нее вынудили, и она вышла за человека, которого не любила, с другой привязанностью в сердце. У Маркова, который не забывал её (письмо запоздало почему-то) в самый тот час, когда она венчалась, лопнуло на руке кольцо, подаренное ему Варварой Афанасьевной».

Недобрым было предзнаменование. Но дело сделано. Юшков служил в Туле и увёз туда молодую жену.

Екатерина Елагина дала ей такую характеристику:

«Варвара Афанасьевна была отменно талантлива и во всем имела очень много вкуса. Актрисы тамошнего театра приходили спрашивать её мнения и совета, делали перед ней репетицию. Она была хорошей музыкантшей и, кажется, рисовала. Она умерла чахоткой, от которой не хотела лечиться и которую старалась развить в себе. Она не была счастлива и, кажется, никогда не любила своего мужа, хотя он любил её и был всегда нежен с ней.

...Она оставила четырёх дочерей: Анну, которую с са-

мого рождения отдала своей матери (впоследствии Зонтаг), Марию (Офросимову), Авдотью (сперва Киреевскую, потом Елагину) и Катерину (Азбукину). Петр Николаевич после смерти жены вышел в отставку и поехал жить к овдовевшей теще своей Буниной в Мишенское».

С семьёй Юшковых тесно связаны юные годы Жуковского... Ведь он рос и воспитывался вместе с дочерьми Варвары Афанасьевны и был с ними очень дружен.

«Всему начертан круг Предвечного рукой...»

Русский писатель, поэт, литературный критик Василий Васильевич Огарков в книге «В.А. Жуковский. Его жизнь и литературная деятельность» рассказывает: «Всё детство, отрочество и юность поэт провёл среди девочек, со многими из которых у него на всю жизнь сохранились задушевные отношения. Это были его племянницы, дети дочерей Марьи Григорьевны. Особенно Жуковский был дружен с девочками Юшковыми, из которых одна – впоследствии Анна Петровна Зонтаг – стала известной писательницей. Несколько позже особенная дружба связывала его с Марьей Андреевной Протасовой, к которой поэт питал восторженную привязанность; но роман с нею был неудачен, и это наложило несколько новых элегических штрихов на поэзию Жуковского».

На предыдущих страницах уже упоминалось о том, что старшая сестра по отцу Варвара – Варвара Афанасьевна, впоследствии по мужу Юшкова – стала крёстной матерью Василия Андреевича. Он рос с её дочками, которые приходились ему племянницами. Биограф указал:

«Окружённый этими друзьями, из которых некоторые отличались чуткостью и восторженностью, убаюкиваемый их нежными заботами и попечениями, поэт рано взрастил в себе то, отчасти сентиментально-платоническое уважение к

женщине, которое было так свойственно и многим героям его баллад и элегий. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторией поэта: ей он поверял свои вдохновения, ее одобрение служило для него критической меркой, а восторг, с которым встречались его творения юноши, – наградой. Вся эта ватага молодежи бегала по саду, полям и лугам; среди помянутого общества в разнообразных и живых играх невольно возбуждалось воображение, совершался обмен мыслей и укреплялись симпатичные связи. Стоит прочесть письма поэта к ставшим взрослыми членам этого детского кружка, – письма, исполненные нежной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то трогательной скромности, – чтоб видеть, насколько сильны у него были связи с друзьями детства, а также и чистую, глубинную душу поэта. Укажем здесь, кстати, и на то, что упомянутый выше девственный ареопаг с ранних лет направлял Жуковского на путь девственной, целомудренной лирики».

Супруга отца Марья Гавриловна фактически взяла на себя роль матери Жуковского. Она ничем не отделяла его от своих детей, столь же серьёзно занималась его воспитанием и столь же пристально руководила его образованием.

В марте 1791 года семья, уже перебравшаяся к тому времени в Тулу, понесла ещё одну утрату – умер Афанасий Иванович Бунин. Осиротела семья, состоявшая в основном из женщин. Единственным мужчиной был в ней восьмилетний Васенька Жуковский.

Отец перед смертью просил заботиться о своём внебрачном сыне, и Мария Гавриловна выполнила просьбу. Даже из доставшихся в наследство от отца дочерям денежных средств она отделила от каждой дочери по две с половиной тысячи рублей и записала их на счёт Жуковского.

Воспитание в чисто женском обществе наложило на него, как отметили биографы, серьёзный отпечаток. Ведь женщин он видел не только в роли своих воспитателей, но детское общество состояло тоже из девочек.

Вскоре Василий Андреевич поселился в доме своей крёстной Варвары Афанасьевны Юшковой.

В биографии Василия Андреевича Жуковского есть один любопытный факт. Мы ведь знаем его не только как выдающегося поэта и переводчика, но и как выдающегося педагога и воспитателя, обучавшего многих особ царствующего дома, а в их числе и наследника престола цесаревича Александра Николаевича, будущего Императора Александра II. То есть его грамотность, его талант не вызывают сомнения. И представьте... В юные годы, когда он переехал в Тулу к своей старшей сестре и крёстной Варваре Афанасьевне Юшковой и был определён в частный пансион, а затем в Главное народное училище, учёба продолжалась недолго. Василия Жуковского отчислили «за неспособность» к наукам.

Вот тебе и раз!!! Но позвольте, что-то сразу припоминается похожее. А ведь генерал-фельдмаршал Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический, тайный

супруг Екатерины Великой, тоже ведь был отчислен из Московского университета, правда, с несколько иной формулировкой – «за леность и нехождение в классы». А капнуть дальше... Ещё более яркий пример – Пётр Александрович Румянцев. Намучавшись с ним, его командиры и воспитатели в Санкт-Петербургском сухопутном кадетском корпусе едва ли не предложили Императрице Елизавете Петровне выбор – Он или Они!

И какие яркие государственные и военные деятели, какие блистательные полководцы вышли! В чём же дело? Да в том, что Пётр Александрович Румянцев получил блестящее домашнее образование – отец занимался с ним. Ну а Потёмкин сделал себя сам. Чтений нужных книг дало очень и очень много.

В годы учебы в Московском университете Потёмкин страстился к чтению и проглатывал одну книгу за другой. Летом, приезжая к родственникам в деревню, забирался в библиотеку и, случалось, засыпал с книгой в руках на стоявшем там бильярдном столе.

Однажды его товарищ Матвей Афонин, впоследствии профессор Московского университета, купил специально для Потёмкина «Натуральную философию» Бюффона, только что изданную в России. Потёмкин вернул ему книгу на следующий день. Афонин с обидой упрекнул Григория в том, что тот даже не открыл книгу. Но упреки были напрасными, что доказал Потёмкин великолепным знанием её со-

держания. В другой раз он сам попросил Ермила Кострова, тоже однокашника, дать с десяток книг. Тот принес их Григорию, а через пять дней все до единой получил обратно.

Как тут было не удивиться? Трудно поверить, что человек способен прочитать за несколько дней такое количество книг. Ермил Костров с насмешкой сказал:

– Да ты, брат, видно, только пошевелил страницы в моих книгах. На почтовых хорошо летать в дороге, а книги – не почтовая езда...

– Я прочитал твои книги от доски до доски, – возразил Потёмкин. – Коли не веришь, изволь, экзаменуй.

Теперь, вслед за Афониным, настал черед удивиться Кострову.

Сергей Николаевич Глинка, побывавший в селе Чижове, поведал о сохранившейся там библиотеке Потёмкина следующее: «Управитель указал мне на старинный шкаф, и первая попавшаяся мне книга была “Слово о священстве” Иоанна Златоуста». Как видим, уже в детские годы были заложены в характере Потёмкина многие черты, которые вели его по жизни. Известно, что был он нелицемерно верующим человеком. Немало свидетельств и его приверженности военному делу, которое он, подобно Суворову, самостоятельно изучал с ранних лет. С.Н. Глинка привёл интересные факты, которые открылись ему во время изучения отроческой библиотеки будущего Светлейшего князя. Во многих книгах он нашёл пометки. Одна из них была сделана на полях воз-

ле такого текста: «Если исчислишь военачальников от глубокой древности, ты увидишь, что их трофеи были следствием их военной хитрости, и побеждавшие посредством оной заслужили более славы, нежели те, кои поражали открытою силой, ибо сии последние одерживают верх с великою трагедией людей, так что никакой не остаётся выгоды от победы». А рядом рукою Потёмкина: «Правда, сущая правда, нельзя сказать справедливее». Далее Глинка писал: «Вижу другую завернутую страницу и читаю: “Изобилие денег не то, что благоразумие души: деньги истрачиваются”». В отметке Потёмкина сказано было: «И это сущая правда, и я целую эти золотые слова».

Любовь к чтению подчас отвлекала от занятий, но ведь она давала знания, и знания по тем временам увлекательные. Но вдруг после успеха в Петербурге Потёмкин был в 1760 году отчислен из университета «за леность и нехождение в классы».

По-разному объясняли это биографы Потёмкина. Вероятнее всего, охлаждение к наукам произошло оттого, что состав преподавателей университета в то время, среди которых были и подобные тем, что описал Мессельер, оставлял желать лучшего. Запоем читая книги, Потёмкин приобретал знания, которые часто превосходили знания его учителей.

То же самое можно сказать и о Жуковском. Он получил прекрасное домашнее образование в семье, отличавшейся высокой культурой. Особенно это касается супруги Афана-

сия Ивановича Бунина – Марьи Гавриловны. Недаром о ней современники оставили самые лестные отзывы. Самые лучшие её качества унаследовали и дочери. В семье своей крёстной, Варвары Афанасьевны Юшковой, продолжилось образование Жуковского.

Причём образование сугубо русское, что очень и очень важно. Конечно, золотой екатерининский век несколько поправил положение в домашнем воспитании, которое в период царствования Императрицы Елизаветы Петровны оставляло желать лучшего.

Тогда ведь доходило до смешного. Впрочем, смешно ли? Скорее, можно сказать, горько было. Вот только один пример...

В книге русского историка А.Н. Фатеева «Потёмкин-Таврический», изданной Русским научно-исследовательским объединением в Праге в 1945 году, приводится такой весьма характерный для того времени пример: «Французский посланник при Елизавете Лопиталь и кавалер его посольства Мессельер, оставивший записки, были поражены французами, встреченными в России в роли воспитателей юношества. Это были большей частью люди, хорошо известные парижской полиции. “Зараза для севера”, как он выражается. Беглецы, банкроты, развратники... Этими соотечественниками члены посольства так были удивлены и огорчены, что посол предупредил о том русскую полицию и предложил, по расследовании, выслать их морем».

В семье Буниных, где началось образование Жуковско-го, да и в семье Юшковых, где оно продолжилось, подобные иноземные проходимцы не приживались. Конечно, попытки приставить всякого рода «немцев» к маленькому Василию делались, но он умел бороться с ними по-своему и в конце концов избавлялся.

В.В. Огарков так рассказал о попытке пригласить бестолкового и жестокого иноземца на роль учителя и об освобождении от него:

«К шестилетнему Васеньке Афанасий Иванович выписал из Москвы “немца”, которого вместе с воспитанником поместили во флигеле. Но этот первый опыт учения окончился неудачно. Немец оказался из породы вральманов и считал главными педагогическими пособиями розги, практикуя, кроме того, над воспитанником порою и тяжёлую пытку, весьма, впрочем, употребительную в учебном обиходе прошлого: ставил питомца голыми коленями на горох. Но любимец всего дома поднимал страшный крик при применениях этого воспитательного артикула, и “вральмана” быстро убрали. Опыты крёстного отца, Андрея Григорьевича, по части привития мальчику учёности тоже были не особенно удачны: Васенька вместо букв рисовал грифелем на доске, а также и мелом на полу и стенах разные фигуры и “рожи”. Мы упоминаем об этом обстоятельстве с целью указать, что ещё в раннем детстве Жуковский обнаружил талант к живописи и впоследствии, как известно, недурно рисовал; его акварели,

а также и картины, писанные масляными красками, хранятся у его родственников и друзей».

Воспитание ребёнка должно быть национальным. Только тогда из него выйдет толк. Об этом не уставали писать многие выдающиеся русские педагоги, этому вопросу посвятил немало страниц в своих философских трудах выдающийся русский мыслитель Иван Александрович Ильин.

У Юшковых, в Туле, обстановка была спокойной, благоприятной для доброго воспитания детей. Там часто устраивались литературные вечера, на которых читали свои стихи известные в ту пору поэты, ну и, конечно, декламировали стихи дети. Бывал в гостях и знаменитый энциклопедист и мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов.

Ставили в домашнем театре у Юшковых и спектакли. Вот тут-то и проявилась у юного Жуковского творческая жилка. Он написал трагедию «Камилл, или Освобожденный Рим» и драму «Павел и Виргиния». Сыграло роль то, что не вмешивались в воспитание иноземные «мудрецы», ведь один этакий «мудрец» из плеяды, описанной Лопиталем, лишил нас самых первых произведений Пушкина. Кстати, Лопиталь в бытность Императрицы Екатерины II великой княгиней доносил, что «великая княгиня любит чтение».

Пушкину с гувернёром не повезло – прочитав стихи, гувернёр, страдающий, мягко говоря, дефицитом серого мозгового вещества, как и большинство подобных «учителей», со знанием дела заявил юному гению, что они плохие. Пуш-

кин тут же сжёг тетрадь со своими сочинениями.

Сочинения Жуковского никто не сжёг. Напротив, и трагедию, и драму поставили на домашней сцене.

Участвовали по мере сил в постановках все, в том числе и дети – и сам Жуковский и его племянницы Авдотья и Анна – дочери его крёстной Варвары Афанасьевны. Андрей Тимофеевич Болотов нередко был зрителем, а то и участником этих представлений. А о знакомстве с театральной жизнью семьи он отзывался так:

«...поехал я к г. Юшкову и застал у него концерт, какого никогда ещё не случилось мне слышать. Тут провёл я весь вечер и ужинал, и могу сказать, что весь сей день был один из приятнейших в моей жизни».

Итак, рос, учился и воспитывался Василий Андреевич в женской и девичьей среде. Это несло в себе определённые опасности. Огарков отмечал хорошие моменты такого воспитания – мягкость, благородное отношение к прекрасному полу, ну и так далее. Но опасность была иной. Теперь учёные доказали эту опасность в научном плане, путём исследования хромосом. Не вдаваясь в подробности, скажем просто. Если девочки, играя постоянно с мальчишками, в мальчишек по объективным причинам превратиться не могут, то есть мужские начала не могут возобладать в них, то с мальчишками дело опаснее – девчонки способны верховодить в играх, наделяя мальчишек женскими началами. Недаром считается, что школы с раздельным обучением приоритетны.

Но я отвлёкся от темы повествования. Действительно, Жуковский рос в женском коллективе. И лишь когда ему исполнилось 14 лет, Мария Григорьевна Бунина отвезла его в Университетский благородный пансион.

Помогал в устройстве давний её знакомый директор Московского университета с 1796 по 1803 год Иван Петрович Тургенев (1752–1807). Он был действительным тайным советником, состоял в масонской ложе вместе с Новиковым.

Наконец-то мужской коллектив. Появились друзья из довольно известных семей России. В их числе сыновья директора Московского университета Александр и Андрей Тургеневы. Дружба с Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1846) продолжалась до кончины Тургенева.

Тургенев был хорошо знаком с Пушкиным и многими друзьями Пушкина, в том числе и с князем Петром Андреевичем Вяземским. Он был в квартире Пушкина в траурные дни после дуэли, и он сопровождал гроб Пушкина в Михайловское.

Пушкинист Вадим Старк пишет: «И тот человек, который первым встречал Пушкина в Петербурге, Александр Иванович Тургенев, который помогал с определением в Лицей, (...) он же будет провожать траурный кортеж с телом Пушкина по просьбе Натальи Николаевны, а, точнее, даже по указанию Николая Первого, потому что она хотела, чтобы Данзас это сделал, но Николай Первый считал, что тот виновен, должен понести своё наказание и предложил, чтобы (кортеж

проводил) Александр Иванович Тургенев. Вот так сомкнулось кольцо: тот, кто первым встречал Пушкина в Петербурге, провожает его в этот самый последний путь».

Были в числе университетских друзей Блудов, Дашков, Уваров и другие, впоследствии известные люди.

Именно в пансионе, где большое значение уделялось творчеству воспитанников, Жуковский в 1797 году написал «Мысли при гробнице». Эти мысли навеяло печальное для него известие о смерти старшей сестры и крёстной Варвары Афанасьевны Юшковой.

А потом были опубликованы «Майское утро» (1797), «Добродетель» (1798), «Мир» (1800), «К Тибуллу» (1800), «К человеку» (1801) и другие. Тогда же попробовал свои силы и в переводе романа Коцебу «Мальчик у ручья» (Москва, 1801).

Вот, казалось бы, «Майское утро» – гимн Природе, её красотам:

Белорумяна
Всходит заря
И разгоняет
Блеском своим
Мрачную тьму
Черныя ночи.
(...)
Грезы, мечтанья,
Рой как пчелиный,

Мчатся за ним.

(...)

Бабочка пестра

Вьётся, кружится

И лобызает

Нежно цветки.

(...)

И вдруг... Философские строки. Откуда, ведь идёт 1797 год, и Жуковскому всего 14 лет!

(...)

Жизнь, друг мой, бездна

Слёз и страданий...

Счастлив стократ

Тот, кто, достигнув

Мирного берега,

Вечным спит сном.

Но вот 1795 год. Жуковскому 15 лет. И снова удивительные, не по возрасту серьёзные строки... «Добродетель»...

Под звёздным кровом тихой ночи,

При свете бледная луны,

В тени ветвистых кипарисов,

Брожу меж множества гробов.

Повсюду зрю сооруженны

Богаты памятники там,

Порфиром, златом обложенны;

Там мраморны столпы стоят.
Обитель смерти там – покоя;
Усопших прахи там лежат;
Ничто их сна не прерывает;
Ничто не грезится во сне...
Но все ль так мирно почивают,
И все ли так покойно спят?..
Не монументы отличают
И не блестяща пышность нас!
Порфир надгробный не являет
Душевных истинных красот.
(...)

А далее... В пятнадцать лет Василий Жуковский уже понимал такое, что не под силу понять порой и в зрелом возрасте тем, кто видит смысл жизни в стяжательстве, в богатстве, в ложной славе.

(...)
И медны рушатся врата.
Падут и троны и начальства,
Истлеет посох, как и скиптр;
Венцы лавровые поблекнут,
Трофеи гордые сгниют.
(...)

И твёрдо заявлял в заключительных строфах стихотворения, что

(...) останутся нетленны
Одни лишь добрые дела.
Ничто не может их разрушить,
Ничто не может их затмить.
Пред богом нас они прославят,
В одежду правды облекут;
Тогда мы с радостью явёмся
Пред трон всемогущего творца.
О сколь священна, Добродетель,
Должна ты быть для смертных всех!

1801 год. Жуковскому восемнадцать! И снова удивительные стихи. «К человеку!»

Ничтожный человек! что жизнь твоя? – Мгновенье.
Взглянул на дневный луч – и нет тебя, пропал!
Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
Как быстра тень, мелькаешь ты!
(...)

Ты веселишь себя надеждой наслаждений:
Их нет! их нет! Сей мир вертеп страданий, слёз;
Ты с жизнью в него блаженства не принёс;
Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений,
Влачи до гроба цепи зол!
Так – в гробе лишь твоё спокойство и отрада;
Могила – тихий сон; а жизнь – с бедами брань;
Судьба – невидимый, бесчувственный тиран,

Необоримая ко счастью преграда!
Ничтожность страшный твой удел!

Жуковский показывает тщетность житейской суеты в сравнении с добрым и вечным, в сравнении с Природой, с Божественным бытием...

Безумец, пробудись! воззри на мир пространный!
Все дышит счастьем, все славит жребий свой;
Всему начертан круг Предвечного рукой, —
Ужели ты один, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвен?
Познай себя, познай! Коль в дерзком ослепленье
Захочешь ты себя за край миров вознесть,
Сравниться со Творцом – ты неприметна персть!
Но ты велик собой; сей мир твоё владенье,
Ты духом тварей властелин!
Тебе послушно всё – ты смелою рукою
На бурный океан оковы наложил,
Пронзил утесов грудь, перуны потушил;
Подоблачны скалы валятся пред тобою;
Твоё веление – закон!
Все бедствия твои – меты воображенья;
Оружия на них судьбой тебе даны!
Воздвигнись в крепости – и все побеждены!
Великим, мудрым быть – твоё определение;
А ты ничтожны слезы льёшь!

В какой-то мере это и обращение к себе. К своему 18-ле-

тию.

Жуковскому уже довелось повидать и испытать многое. Сложное осознание себя и своего положения в мире, с которым он встретился в детстве, смерть отца и смерть любимой сестры, которая была ему крёстной матерью. Он как бы убеждает себя быть твёрдым в этом мире. Под влиянием окружающей среды формировалось мировоззрение будущего знаменитого поэта, под этим влиянием формировались его творческие взгляды, а творческие взгляды в свою очередь формировали характер. И всё это в значительной степени оказало влияние на судьбу поэта, на судьбу его жизни в поэзии и любви. Ведь в любви ему не было дано испытать счастья – ни счастья всепоглощающего единения с истинно любимой женщиной, ни полного семейного счастья, которое лишь мелькнула сполохом на туманном горизонте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.